

# Я, МАМА, ПАПА И ЭКРАН

Как развивается детский кинематограф в нашей стране?

Насколько удача фильма зависит от литературной основы?

Кто они, благородные герои приключенческого фильма?

Может ли экран сблизить «отцов» и «детей»?

Такие вопросы предложил журнал «Детская литература» драматургам, режиссерам, критикам в прошлом году, и они выступали на страницах ежемесячника. В Союзе кинематографистов СССР встретились сотрудники журнала и деятели детского кинематографа, чтобы обсудить проблемы воспитания гармонической, думающей, общественно-активной личности средствами кинематографа.

После дискуссии наш корреспондент Г. ЦЕСАРСКАЯ встретила с тремя ее участниками.

**Семен Лунгин, драматург:**  
«Кто герой?».

— Семен Львович, ваше представление о положительном герое? Каким его создавать, чтобы понравился детям?

— Нынешний период в кинематографе принято называть авторским. И это справедливо, потому что ведущей творческой силой в создании кинопроизведения является режиссура. Но тем не менее произведение, говоря языком математики, есть произведение: результат умножения таких компонентов, как работа режиссера, сценариста, оператора, актера, художника и т. д. Так что в рецензиях, разбирающих тот или иной фильм, необходимо раскрыть сущность каждого из сомножителей.

Экран и киногерои ведут разговор со зрителем с глазу на глаз, часто интимный. Подумайте о смысле крупных планов.

Здесь, мне кажется, есть некий психологический феномен, пока малоизученный, который я называю вторжением кинообраза в личность зрителя.

Вы, наверное, замечали, что после кинопросмотра чувствуете себя некоторое время другим человеком: в вас есть что-то от полубившегося вам героя. Если образ создан к тому же незаурядным, талантливым актером, странные проявления чужой душевной памяти остаются в вас надолго.

Этот процесс не проходит для зрителя бесследно. Подобный психологический феномен и становится, вероятно, основой популярности «кинозвезд». Зритель готов подражать не только внешним повадкам киногероя, но и его внутренней сущности. И это очень важно.

Итак, некая духовная субстанция проникает в тебя: киноличность внедряется в твою личность. Возникает вопрос о положительном герое: каким его создавать?

Есть фильмы действенные, приключенческие, энергичные. Их особенно любят дети. После такого фильма они начинают одержимо играть, активно переживая события картины, дополняя их своей фантазией.

Второй тип фильмов — игровые. Здесь игра включена в сюжет фильма, зритель проигрывает ситуацию вместе с героями во время сеанса. А после такой картины ребенок не играет — он думает. Мне лично ближе фильмы такого рода.

Сценарии, написанные покойным Ильей Нусиновым, замечательным писателем и драматургом, прекрасным, добрым художником, и мной, стали основой для таких фильмов, как «Телеграмма», «Осторожно, черепаха!», «Добро пожаловать», «Без страха и упрека». Эти фильмы, как мы надеялись, пробуждают нравственное сознание маленького зрителя.

И еще я хочу сказать о природе добра в наших картинах для детей. Почему-то мы боимся проявлений жестокости, изгоняем их с экрана, дабы не подавать дурного примера детям. Но это неверно, потому что жестокость в конечном счете свойственна детям так же, как и доброта.

После войны многие считали, что детям нельзя давать в руки игрушечные танки, автоматы, пистолеты. Думаю, психологи, пересмотревшие теперь это положение, более правы. Мальчишки не перестали и не перестанут драться на переменах и таскать девочек за косички, не перестанут играть в войну и в «казачков-разбойников».

Огромной детской энергии необходимо разрядиться, обрести душевный баланс через такую действенную и часто жестокою разрядку. А потом, не грешим ли мы против природы, пугаясь проявлений этих качеств в фильмах, зная заранее, что «зло» в фильме будет несомненно наказано и добро восторжествует.

**Исай Кузнецов, драматург:**  
«Поиграем в Бумбараша».

Что же такое детский приключенческий фильм, или, как принято говорить, «вестерн»?

— Критика часто склонна утверждать, что характеры «вестерна» статичны, зло в нем — вечное зло, добро — вечное добро. Отсюда: право на воспитание мужества, героизма имеет лишь фильм психологический.

«Вестерн» часто рассматривают, как детище американского кино. В таком случае как быть с Фенимором Купером, которых зачитывались наши мамы и папы? Тогда еще не было кино, а дети безудержно играли в благородных, неунывающих, храбрых героев. А кто из нас, взрослых, не пытался подражать героям «Трех мушкетеров» Дюма?

По-моему, иерархия жанров опасна. Хороший приключенческий фильм воспитывает в детях мечту о подвиге. И потому мальчишки так самозабвенно любят эти фильмы. Нет нужды от них отказываться.

Припоминаю один забавный случай. В пятом классе в сочинении о любимом произведении девочка назвала «Собаку Баскервиль». А учительница на тетради сделала пометку: «Зря старалась». Это, конечно, курьез, но он наводит на размышления.

Стоит подумать над тем, кто такой герой приключенческого фильма. По-видимому, это — хороший человек, немного Дон-Кихот, но дерется он не с мельницами, а с реальными врагами, дерется за обездоленных. Если герой живой, зритель всегда захочет ему подражать, найдет, что в нем любить.

История нашей революции, гражданской войны дает богатый материал для создания остросюжетных, волнующих картин. Не случаен успех «Бумбараша», «Неуловимых мстителей».

Не надо забывать, что фильм приключенческий в отличие от фильма реалистического живет по своим законам. Детский «вестерн» романтичен, он строится условно: главный элемент приключенческого фильма — игра. Если убийство в «вестерне» ребенок воспринимает как реальный факт, его надо вести к врачу.

Проигрывая заново киносюжет, дети создают нечто свое, оригинальное. Взять хоть «Фантомаса». Мальчишкам никогда не придет в голову повторять его бесчеловечные деяния: они играют лишь в романтическую таинственность.

Наверное, настало время для дискуссии по проблемам приключенческого фильма. Думаю, у этого жанра есть будущее.

**Инна Левшина, кинокритик:**  
«Гении подражательности».

— Инна Сергеевна, в чем, по-вашему, отличие детского восприятия кинообраза от взрослого?

— Социология и психология убеждают, что фильм обращен не к отдельному зрителю, а ко всему залу. Кино — искусство массовое, зрелищное. В кинозале возникает психологическое поле. Недаром человек уходит от телеэкрана к экрану кинотеатра.

Известный русский педагог и психолог П. Ф. Каптерев, исследуя психологию чтения, делил аудиторию на «гениев» подражательности и «идиотов» подражательности. Первые перерабатывают прочитанное внутренне, творчески, так что потом и не поймешь, что же именно они взяли для себя за норму, идеал. Вторые подражают слепо — фабуле, поступку, манере поведения. Думаю, дети относятся к «гениям» подражательности, и потому такая аудитория особенно нам дорога.

Обстоятельства, с которыми современный зритель встречается в жизни, сложны. Особенно трудно детям. Спросите ребенка, что делают его мама и папа на работе. Не каждый ответит. Увы, родители живут в вечном цейтноте, недостаточно времени уделяют детям. И вот детскому кино приходится брать на себя роль воспитателя, наставника. Искусство, культура обязаны эту роль выполнять, и хотя я знаю, сколь несовместимы искусство и дидактика, им все же придется пойти рука об руку в воспитании наших детей. Порой нужны фильмы, объясняющие самые простые вещи.

Я как-то собрала материал о любимых актерах подростков.

В воображении детей актер и персонаж фильма часто полностью сливаются, образуя самостоятельную психофизиологическую личность.

Возникают группы идеалов: это прежде всего герои 18—20 лет Натальи Варлей, Анастасии Вертинской, Алексея Локтева. Словом, герои милые, обаятельные.

И группа постарше: герои Татьяны Дорониной, Маргариты Володиной, Татьяны Самойловой, Вячеслава Тихонова, Олега Стриженова. «Таким я стану, когда вырасту».

К сожалению, выбор зрителя сделан был не на основе высоких критериев искусства, а на основании того социального и психофизиологического типа, в котором тот или иной актер обычно появляется на экране. Очень важно и личное обаяние, внешность.

Почти ежедневно дети смотрят фильмы по телевизору. Один-два раза в неделю ходят в кино. Такое поглощение киноматериала — скорее стремление не к искусству, а к информации. Наверное, стоит подумать и о том, как с помощью такой информации научить детей ценить прекрасное.